

— Ты что, за людей их не считаешь? — проговорил Цинь Фан с досадой. — Рекламу за три тысячи не берешь? Или площадка чем-то не угодила?

Хуа Тун запрокинул голову и заржал, а потом выдал:

— Да завтра же скажут, что вы всё это срежиссировали. Мол, клянусь, вчера подарили «Кавасаки», а сегодня — сразу реклама. Ха-ха-ха, отличный маркетинг!

— Заткнись, — Цинь Фан втянул подбородок в воротник куртки: после того как дождь закончился, температура упала до минусовой. — Раньше зимой в одних штанах щеголял, а теперь еще и зима не пришла, а я уже о подштанниках мечтаю.

— А я уже ношу, — Хуа Тун похлопал себя по ногам. — Греют — высший класс.

Вообще-то, в такую холодину Цинь Фану совсем не хотелось выходить. Он мечтал запереться в теплой комнате общежития и посмотреть кино, но Хуа Тун настоял на бильярде, и Цинь Фан сдался.

Теперь в университете Цинь Фан стал своего рода знаменитостью. И раньше его многие знали, но сейчас всё стало куда серьезнее. Знакомые при встрече здоровались, а незнакомые — постоянно глазели.

— Звездный статус, — Хуа Тун разбил пирамиду и усмехнулся, глядя на него.

Цинь Фан не обращал внимания — делал вид, что не замечает. Кампус небольшой, если что-то случается, все тут же бегут глазеть.

Конечно, такая новость не могла пройти мимо компании друзей. В тот же день Чэн Дун выложил в ленту «Моментов» скриншот кадра из видео с Цинь Фаном, добавил три улыбающихся смайлика и написал: «Моя машина попала в тренды».

В комментариях Фэн Чжэ ответил ему: «Я тебе говорил не позориться? Это машина брата Фана, держись подальше, не пытайся хайпануть».

Чэн Дун парировал: «Я в тренды не попадал, просто хочу примазаться!»

Фэн Чжэ: «Вали отсюда! Спрячь свою физиономию, места на весь экран не хватит!»

В эти дни в WeChat постоянно кто-то лез с расспросами. В конце концов, утомленный Цинь Фан сам выложил видео в «Моменты» с подписью: «Это я, это всё я, больше не спрашивайте, а за вопросы буду брать деньги».

В комментариях начался настоящий переполох: даже старые знакомые, с которыми он сто лет не общался, принялись строчить «ха-ха-ха». Лента «Моментов» превратилась в шумный базар. Одна бывшая девушка — даже не вспомнить, сколько лет назад это было — написала: «Ха-ха, бывший парень совершил каминг-аут и попал в тренды. Считай, что я тоже теперь знаменитость».

Цинь Фан подумал: как вообще можно было прийти к такому выводу?

Ниже был комментарий Сяо Хуа: «...Ну ладно. А я-то всё думала, чего это у меня столько лет ничего не выходит. Оказывается, дело не во мне и не в моем обаянии, просто пол не тот. Не я

виновата, не ты, это всё судьба!»

Фэн Чжэ, Чэн Дун, Сяо Пэн — все они оставляли под ее постом комментарии из десяти с лишним «ха». Фэн Чжэ еще раньше говорил, что Сяо Хуа сохла по Цинь Фану столько лет, и теперь ей, видимо, пора было смириться — да и выбора другого не оставалось.

Если это поможет Сяо Хуа перестать заикливаться на нем, то оно того стоило. Девчонка-то хорошая, просто из-за этой ситуации последние пару лет почти не выходила гулять, боялась неловких встреч. На самом деле, Цинь Фан чувствовал, что и без того всё шло к концу — человек взрослеет, и прежнее упрямство постепенно растворяется.

Фэн Чжэ и остальные стали звать Цинь Фана прийти вместе с братом Янем, подкалывая их в общем чате. Цинь Фан сделал скриншот и отправил брату Яню: «Они хотят устроить пир в твою честь».

Брат Янь ответил: «Пусть устраивают».

Цинь Фан: «Они говорят, чтобы я платил, мол, я приглашаю».

Брат Янь: «Тогда не пойду».

Цинь Фан: «Ха-ха-ха, брат Янь, ты такой приземленный».

Брат Янь: «С пиром не обязательно. Если искренни, пусть просто подарят конверт с деньгами, и хватит».

Цинь Фан: «Ха-ха-ха-ха-ха!»

Цинь Фан отправил скриншот их переписки в чат: «Брат Янь сказал, что конверта с деньгами достаточно, остальное — лишнее. Так что с каждого по тысяче-полторы, для вида хватит, больше с вас и не прошу».

После того случая в машине Цинь Фан, можно сказать, отвоевал себе позицию, перестал быть таким ведомым. Раньше его всё время «вел» брат Янь, а теперь он чувствовал себя даже свободнее и раскованнее.

Долгое время после этого между ними сохранялось какое-то удивительное равновесие. Очень свободный формат отношений, полное взаимопонимание: достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что у другого на уме, — лишних слов не требовалось.

Поэтому со стороны казалось, что они почти не разговаривают, но в компании постоянно переглядываются, и этот негласный диалог не прекращался ни на секунду.

В гостиной у Сы Ту брат Янь полулежал в кресле, Хань Сяогун сидел на полу, скрестив ноги, Чжоу Сымин и Сы Ту расположились на длинном диване, а Цинь Фан притащил себе стул и сел с краю. Пятеро смотрели фильм — редкий момент гармонии и безмятежности. Хань Сяогун на полу обрабатывал фотографии, изредка поглядывая на экран.

Любовные сцены в фильмах ужасов — лишь приправа, позволяющая ненадолго передохнуть от напряжения.

Когда герои страстно целовались, у Сы Ту и Чжоу Сымина были совершенно невозмутимые лица, а экран почти наполовину занимали два гигантских лица в профиль. Хань Сяогун

мельком глянул и тихо цыкнул. Актеры целовались самозабвенно — в западном кино с этим всегда проще, не то что в отечественном, где в последние годы всё делают полунамеками, стыдливо имитируя поцелуи.

Цинь Фан почувствовал взгляд с другой стороны. Он поднял глаза и встретился взглядом с братом Янем.

Тот лишь слегка приподнял бровь, не выразив больше ничего, но Цинь Фан точно знал: этот гей снова над ним подшучивает. Цинь Фан провел языком по губам и, не стусевавшись, подмигнул брату Яню.

— Эй, — внезапно подал голос Хань Сяогун, не поднимая головы от фотографий. — Я сейчас задохнусь от ваших переглядок.

Оба тут же отвели глаза и вернулись к фильму.

Во второй половине картины, когда почти все персонажи погибли, Сы Ту произнес:

— На самом деле, в такой ситуации... умереть вместе — это еще самое большое везение.

Хань Сяогун возразил:

— А разве выжить вместе — не лучше?

— Где ж найти такое везение? — Сы Ту улыбнулся и покачал головой. — Тот, кто умер, спит вечным сном, а оставшемуся — вечно помнить, вечно тосковать. Какая жестокость.

— Потому-то одиночество и есть лучшее состояние, — усмехнулся Хань Сяогун. — Думаешь только о том, как выжить. Если остался в живых — это великое счастье, а если умер — так ни о ком и не жалеешь. Облака плывут своим чередом, и на душе легко.

Чжоу Сымин, видимо, решив, что болтовни слишком много, бросил:

— Смотрите кино, чего столько слов?

Хань Сяогун приподнял бровь:

— Ты что, с той девушкой расстался?

Чжоу Сымин скользнул по нему взглядом, но промолчал.

— То-то я и думаю... — Хань Сяогун рассмеялся. — Значит, любовь прошла.

Чжоу Сымин скрестил руки на груди, не желая продолжать разговор.

Цинь Фан уж и забыл, что у Чжоу Сымина была девушка. Когда они только сцепились, Хуа Тун навел справки — да, тогда она у него была, но сам Чжоу об этом не заикался, и спустя время Цинь Фан всё забыл.

— Получается, здесь нас пятеро, и все одиноки? — спросил Хань Сяогун.

Никто не ответил. Хань Сяогун рассмеялся:

— Необъяснимо. По внешности мы должны быть выше среднего, а в итоге — все остались не у

дел.

Сказав это, он словно что-то вспомнил и добавил:

— Впрочем, нет. Двое тут для счета. То ли одинокие, то ли парочка, непонятно, что у них там за дела.

Как только он закончил, Цинь Фан машинально посмотрел на брата Яня, и их взгляды снова встретились.

И, глядя друг на друга, они совершенно синхронно тронули губы в усмешке. Цинь Фан смотрел на брата Яня открыто и прямо, не чувствуя ни малейшей неловкости от чужих подколов.

Они постоянно так общались глазами, что окружающие уже успели устать. Хань Сяогуну и Сы Ту было всё равно, а вот Чжоу Сымина это раздражало до крайности. Как только фильм закончился, он встал, взял из холодильника бутылку воды и тихо процедил:

— Искренне фигею...

Больше он не садился — прихватив воду, надел куртку и ушел.

— Почему он всегда такой вспыльчивый? — спросил Цинь Фан.

— Он такой с самого детства, — ответил Сы Ту. — С малых лет характер у него был не из приятных.

— Если бы не Сы Ту, мы бы втроем каждый день дрались, — сказал Хань Сяогун. — Я всё равно не смог бы его одолеть, в конце концов, скорее всего, всё свелось бы к битве брата Яня с ним — кто кого.

Сы Ту рассмеялся:

— Тогда бы компания уже давно развалилась.

Теперь Цинь Фан часто заходил к Сы Ту — он стал своего рода пятым участником этого маленького кружка. Зимой Сы Ту начал сильно кашлять, и Цинь Фан приносил ему лекарства для легких. Каждый раз, когда он возвращался домой, от него пахло травяным отваром — запах был не резкий, даже приятный, Цинь Фану он нравился.

Даже сосед по комнате это чувствовал. Каждый раз, когда Цинь Фан возвращался от Сы Ту, сосед был в курсе.

Шэнь Дэнке потянул носом воздух, подался лицом к куртке Цинь Фана и спросил:

— Фан, опять был в «Хуачэн Вьюань»?

— Угу, заходил поужинать. — Цинь Фан сидел на кровати, поджав ноги, и возился с моделью самолета.